позднее — в предисловии к своей стихотворной Псалтири, где он осудил «Псалтирь рифмотворную» как произведение в малой степени эстетическое. Свою Псалтирь Тредиаковский видел как переложение текста, по отношению к которому выработалась инерция восприятия, в новое эстетическое качество, которое позволяло читателю вновь познавать духовные и эстетические богатства псалмов.[47] Видимо, нечто близкое (в аспекте эстетического качества и индивидуальности плана выражения) имел в виду и Сумароков, когда писал Г. В. Козицкому: «Я уверен, что мои псалмы не по Ломоносовски сделаны.[48]

И последний аспект. Текст, установкой которого является его «душеполезность», не может быть использован для светской цели. Если единственная функция псаломского текста для средневековой культуры была «спасение», а для Симеона наряду с эстетической функцией непременно была и «душеполезная», то участники первого русского поэтического состязания используют этот текст для познания искусства как инструмент для разрешения проблемы теории стиха.

---

[47] Тредиаковский В. К. Псалтирь... Предуведомление, с. 4—7.
[48] Письма русских писателей XVIII в. Л., 1980, с. 147.